

— Похоже, вы не получили предупреждения, когда получали Зеркало Юмён.

На слова заклинателя лекарь достал из-за пазухи Зеркало Юмён, обёрнутое шёлком.

— Предупреждение о том, что у этого зеркала есть фатальный недостаток и я непременно пожалею, я слышал до тошноты. Но о том, что человек меняется наоборот... я узнал только сейчас от вас, господин заклинатель.

В руке лекаря, державшей зеркало, вздулись сухожилия.

— В тот день... когда барышня встретилась со мной лицом к лицу и разговаривала в последний раз. Когда она вернулась после отлучки, барышня уже знала.

Вздыхнувший лекарь тяжело открыл рот.

— Что я подсыпал яд полководцу.

Кормилица говорила, что с прошлого года, после того как полководец Хам пожаловался на помутнение в глазах, лекарь Ян регулярно готовил отвары, о которых его не просили, и категорически отказывался принимать плату. Можно было бы просто отправить подходящие лекарственные травы. Но отвары для полководца он всегда готовил собственноручно.

Этот отвар на самом деле был ядом.

— Барышня всё знала, но всё равно искала у меня ответа.

Это не так, правда? Я ошиблась, да?

Господин лекарь не мог дать яд отцу.

Барышне, умоляющей влажными глазами сказать, что это ложь. Лекарь Ян тихо ответил.

Ваш отец, полководец Хам, в молодости захватил этот Хомёнсон и отрубил голову хозяину крепости. Знаете ли вы его имя?

Ян Тхэсан. Это мой дедушка.

Ну же, идите и скажите. Вашему замечательному отцу.

— Барышня выбежала в слезах, а я ждал верёвки, чтобы связать преступника. Но сколько ни ждал, известий не было.

К закату. Токку, тяжело дыша, вбежала в лечебницу. Следуя за Токку, которая хватала за штанину и скулила, призывая идти за ней, он увидел холодное тело барышни и полководца Хама, держащего предсмертное письмо.

— Я упустил из виду, что барышня не умела винить других, что она была человеком, который всё сваливал на себя.

Лекарь стоял на краю крыши и смотрел на барышню пустыми глазами. Хотя у неё не было глаз, чтобы видеть, барышня примерно определила местоположение по звуку и всё ещё держала в руке свёрток Амугэ. Туго обмотанная ткань соскользнула, обнажив в темноте смутные очертания – это был не что иное, как меч.

— Приятно видеть, как вы теперь так уверенно обвиняете других.

Лекарь горько усмехнулся, глядя на барышню, которая с мечом в руках оглядывалась в поисках его. Заклинатель поправил соломенную шляпу.

— Если бы вы знали, что возлюбленная, воскрешённая Зеркалом Юмён, так изменится, вы бы всё равно воскресили барышню?

— ...Конечно.

Лекарь спокойно посмотрел на Зеркало Юмён в руке, а затем ударил им по высокому коньку на краю крыши. Звяк! Зеркало разбилось вдребезги, осколки разлетелись во все стороны. Среди грохота разбивающегося зеркала. Голос лекаря прозвучал чётко.

— После того как вы, господин заклинатель, ушли днём, я долго размышлял. И решил, что мне делать.

Барышня, испугавшаяся звука разбивающегося зеркала, принялась ощупывать то, что держала в руке. Когда она схватила выступающую из белой ткани рукоять, со свистом— ножны соскользнули, обнажив злое лезвие.

— Если хотел жить будущим, нужно было похоронить обиду прошлого. Если хотел отомстить за прошлое, нужно было отказаться от будущего.

Лекарь, шагавший по изгибу крыши опасными шагами, дошёл до края карниза. В его зрачках отразилась маленьким силуэтом форма слабо сияющего клинка.

— Не смог отпустить ни то, ни другое и действовал неумело... в итоге не удержал ни того, ни другого в руках.

Шаг лекаря ступил в пустоту за карнизом. Его тело наклонилось к земле.

Заклинатель, поднявшийся с веранды, протянул руку к падающему лекарю. Но кончики пальцев лишь напрасно коснулись края одежды.

Лезвие пронзило тело, упавшее с крыши. Алая кровь оставила красные пятна на кофте лекаря и подоле юбки барышни.

Это был последний выбор того, кто потерял и прошлое, и будущее.

Один человек умер, но последствия были разрешены тихо и быстро.

После того как барышня, воскрешённая Зеркалом Юмён, резко изменилась. Большинство живущих в усадьбе рабов были переведены в приходящие, и только минимальное количество надёжных людей осталось в ночной усадьбе.

Поздней ночью, когда луна висела на краю карниза. Люди полководца молча обработали труп и привели в порядок отдельный павильон. Пока слуги разбирались с последствиями, полководец пригласил заклинателя и Амугэ в свои покои.

— Так это была не проблема какого-то злого духа. Проблемой был фундаментальный недостаток зеркала.

Полководец Хам, узнавший всю подоплёку событий, пробормотал со вздохом.

— Да и верно. Странно было бы, если бы воскрешение мёртвых не несло никакой опасности.

На его столе лежали некоторые осколки разбитого Зеркала Юмён, обёрнутые в шёлк. Это были фрагменты, собранные слугами при уборке. Уже невозможно вернуть к прежнему виду.

— Вы не удивлены. Хотя будущий зять пытался отравить тестя.

На слова заклинателя полководец несколько раз провёл руками по лицу.

— Чему удивляться? Между сообщниками.

...Сообщниками?

— Супруга ничего не знает. Дело совершили только мы с лекарем Яном вдвоём.

Снаружи поднялся шум.

— Мы решили унести секрет в могилу. Пришлось.

Суетливые шаги.

— Трое умерли, один пропал без вести. Как я мог сказать супруге, которая уже потеряла четверых детей.

Из-за бумажной двери управляющий срочно искал полководца.

— Что умерла даже младшая.

В тот день Токку скулила у ног, изо всех сил стараясь.

Что с этой собакой? Недоумевая, полководец последовал туда, куда вела Токку. И когда обнаружил младшую дочь.

Тело ребёнка, собственноручно оборвавшего жизнь, уже успело остыть. Рядом с ребёнком лежало предсмертное письмо, на тонком листе бумаги были только слова самообвинения.

— Мои глаза были слепы, я не распознала того, кто хотел навредить отцу, и любила его, это всё моя вина. Если открыв глаза, я не вижу истины, то разве не лучше бы их вообще не было?

И ребёнок проткнул себе глаза и покончил с собой. Оставив извинения за то, что была глупой дочерью.

Пока он прикасался пальцем к ровному почерку, так похожему на характер младшей дочери. Токку привела лекаря. В конце концов, слишком мягкосердечная дочь проявила великодушие, потратив место на листе и для лекаря. Полководец протянул ему письмо.

— Хотя не я отнял семью у господина лекаря, я тоже не могу считаться невиновной, поскольку наслаждалась детством, которое должно было быть вашим. Надеюсь, вы удовлетворитесь этой жизнью, пусть и недостаточной.

Полководец, родившийся на поле боя и прошедший через смутные времена, ни на мгновение не расставался с мечом. Даже когда ложился спать.

Полководец Хам обнажил меч, неотделимый от его тела, направив его на лекаря Яна,

склонившего голову как преступник.

"Знаешь ли ты свою вину?"

"...Да".

"Нет. Ты не знаешь".

Будущий зять, которому доверяли тесть и тёща. Прекрасный жених, которого все хвалили в один голос.

"Неужели ты думал, что я не знаю, что в отварах, которые ты подносишь, подмешан яд?"

"...!"

"Неужели ты думал, что я не знаю, что со времён твоего прапрадеда, полководца Ян Джинсока, это место Хомёнсон было их крепостью, и ты хочешь отомстить мне за истребление твоего рода?"

Полководец Хам знал с самого начала.

"И всё же я оставил тебя в покое, потому что состарился".

Полководец в расцвете сил вырвал бы с корнем семя смуты прежде, чем оно проросло бы. Но, переступив порог шестидесяти, он высох телом и душой, чтобы снова проливать кровь.

"Потому что знал, что дочь питает к тебе чувства, и у тебя тоже есть к ней расположение..."

Если бы первенец был жив, младшая дочь была бы ровесницей внукам. Золотая ветвь и нефритовый лист, драгоценность в ладони, которую он растил, беспокоясь, что она улетит от ветра или рассыплется, если сжать в руке.

"...Потому что решил, что кровь, которую я пролил, я и заберу обратно".

Даже если это ребёнок врага, если в сердце есть искренность. Если можно разделить ненависть и любовь и чётко различить отношение, этого достаточно. Разве не выгодная сделка - обменять жизнь старика, которому осталось недолго, на счастье юной дочери?

"Теперь понимаешь?"

Полководец направил меч на шею лекаря.

"Твоя вина в том, что этот ребёнок узнала".

И то, что он приблизился ради мести, и то, что подмешивал яд в отвары, и то, что покушался на его жизнь - всё было в порядке.

Если бы только можно было скрывать это всю жизнь.

"Господин полководец".

"Если это предсмертные слова, выслушаю. Только не затягивай".

Предсмертные слова дочери тоже были недолгими.

"...Могу спасти".

Нужно было убить его тогда.

От этих слов "могу спасти", остриё меча, направленного на противника, дрогнуло.

В итоге. Он не смог убить его.

<http://bllate.org/book/14995/1373353>